

УДК 101.1:316
DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-74-83

Н. Б. АФАНАСОВ

Институт философии РАН,
г. Москва

ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЯ СВОБОДУ. ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛИЗМ И ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

В статье исследуются процессы трансформации феномена частной собственности в цифровом капитализме. Автор предлагает аналитическую интерпретацию наиболее очевидных и наименее спорных трансформаций, которые имеют место в цифровой хозяйственной жизни. Экономика совместного пользования (шеринг), прекарная занятость (гиг-экономика), сетевизация, а также ускоренный рост неравенства качественно отличают цифровой капитализм от предыдущих стадий развития капиталистического способа производства и потребления. Обращаясь к историческим работам, изучающим собственность, автор показывает, что в основе становления капитализма находилось безоговорочное (фактически априорное) право охраняемой государством частной собственности. Желание обладания вещами было и внутренней мотивацией предпринимателей, и повсеместным стремлением агентов капиталистического общества. В культурном отношении собственность была одним из центральных феноменов, определяющих повседневность модерна. Автор показывает, что в этом качестве собственность всегда была чем-то большим, нежели простым условием накопления. Собственность, отношение к ней, а также ее культурный статус менялись в зависимости от процесса развития капитализма: от раннепромышленного производства к фордизму и постфордизму. Выдвигается гипотеза, согласно которой цифровой капитализм также переопределяет собственность — отличительной чертой становится дематериализация и утрата своей самооценности. Практики экономики совместного пользования, простота подключения к сетям и изменение владения на средства производства (сети) в цифровом капитализме приводят к упадку собственности. В социально-философском смысле это может означать дальнейшую децентрализацию субъекта и утрату им как внешней, так и внутренней свободы.

Ключевые слова: собственность, цифровой капитализм, гиг-экономика, экономика совместного пользования, неравенство, свобода.

1. Введение. «Собственность важна» [1, с. 15]. С этой мысли начинается своё исследование истории понятия «собственность» британский философ Кристофер Пирсон. Помимо очевидной значимости феномена — как для философии, так и для жизни — ясно также и то, что собственность была и остаётся проблемой. В своём всеохватывающем трёхтомнике Пирсон предлагает читателю взглянуть на десятки объяснительных моделей происхождения и функционирования собственности [1–3]. Труд Пирсона преимущественно исторический. Перед исследователем стояла задача совершить фактически невозможное, а именно охватить более 25 веков истории понятия и, отчасти, самой собственности. История

понятия и история феномена в данном случае оказываются тесно взаимосвязаны. В качестве феномена собственность возникает и оформляется в результате действий и законодательства тех, кто принимает решения [2, с. 384]. Помимо сиюминутных частных интересов властвующих, на такие решения оказывают влияние общие представления о том, каково справедливое устройство механизмов распределения и пользования материальными благами. Иными словами, в случае с собственностью теория и практика идут рука об руку.

Говоря о том, что «собственность — это проблема», мы подразумеваем не только сложность аналитического исследования понятия, но и актуальность

вопроса о собственности. Исследование Пирсона представляет собой блестящий экскурс в историю, который сам может выступать в качестве материала для последующего анализа. «Просто собственность» предлагает социальной философии и социальной теории, учитывая валюативную природу их исследовательского подхода [4, с. 156], поразмыслить над одним парадоксом. С одной стороны, важность частной собственности такова, что, не желая интеллектуально подрывать существование феномена, подавляющее большинство политических философов прошлого предпочитали либо вообще не давать внятного объяснения первоначального приобретения, либо их гипотезы были настолько непоследовательными, что не выдерживали критики [1, с. 34, 461–477]. С другой стороны, в ряде современных дискуссий о будущем (а, отчасти, уже и настоящем) экономики, тональность рассуждений такова, будто собственность — это анахронизм, препятствие на пути экономического роста [5, с. 54, 235].

Современный цифровой капитализм, созданный базирующимся на безоговорочном праве частной собственности хозяйственном укладе, ставит под сомнение *ценность* владения вещами [6, с. 18, 58]. Право, самоочевидность и гарантированность владения (посредством апелляции к государственным аппаратам принуждения) определяли мотивацию капиталистического накопления. Многие мыслители прошлого, включая не знавших, что такое капитализм, Цицерона и Августина [1, с. 99], могли бы развить эту мысль, указав, что без частной собственности упорядоченное и мирное существование в обществе было бы невозможно. Но что тогда побуждает теоретиков цифрового капитализма говорить в модусе неважности частной собственности для будущего? Что они имеют в виду? И какая логика стоит за этими утверждениями? Мы предпримем попытку описать некоторый перелом, который, с нашей точки зрения, имеет место в представлениях о частной собственности в цифровой экономике. В конечном счете, для социально-философской мысли изменение представлений о собственности означает рождение нового мира [5, с. 214–216], в котором переопределению будет подлежать, в том числе и такое понятие, как свобода. Вполне возможно, что собственность всегда будет оставаться важнейшей составляющей социальной жизни, однако цифровой капитализм задаёт прямой вопрос: для кого?

2. Социально-экономическая теория и современное неравенство. Список того, что может принадлежать человеку, будет отличаться в каждую эпоху, которую мы рассматриваем: когда-то помимо земли, озёр, побережий, рек, домашней утвари собственностью могли быть и другие люди [1, с. 56–69]. Современность сильно изменила перечень того, что мы можем иметь в качестве вещей, которыми способны распоряжаться по своему усмотрению: продавать и передавать их, уничтожать, хранить, любить и покупать. К тому же многие наши возможности по использованию предметов, которые когда-то были самоочевидными, сейчас строго регламентированы законодательством. Мы не так свободны в своём владении, как это было ранее, а многие из материальных и нематериальных объектов, которые в прошлом могли считаться частной собственностью, получили иной правовой статус. Изучение этих трансформаций составляет значимый раздел современной философии и теории права [7, р. 115].

В нашем исследовании мы сознательно дистанцируемся от комплекса проблем в определении понятия собственности, порождённых изменениями в отношении к окружающей среде, правам животных или интеллектуальной собственности в цифровом мире [8, с. 252, 254]. Основной предмет нашего исследования — это то, как новые формы владения, а также изменение способов мышления о собственности влияют на современного человека как экономического субъекта. Говоря проще, мы рассматриваем собственность не как исторический, но как *капиталистический* феномен [6]. Этот ракурс рассмотрения позволит лучше понять не только динамику современного капитализма в его цифровом измерении, но и дать оценку тому, что это означает для современного человека.

Обратимся к некоторым из наиболее актуальных социально-экономических дискурсов о собственности. Излюбленным сюжетом со стороны теоретиков становится апелляция к неравенству. Для сегодняшнего развития и актуализации теории неравенства наибольший вклад, по-видимому, сделал французский экономист Тома Пикетти своим бестселлером «Капитал в XXI веке» [9], а позже и более социально направленной работой «Капитал и идеология» [10]. Согласно его мысли, капитализм внутренне противоречив, поскольку неравенство в обладании богатством неизбежно увеличивается с развитием и ростом экономики: «Если формула Пикетти верна, то в итоге на длительном промежутке наблюдений практически наверняка будет происходить перераспределение дохода — от работников к владельцам капитала» [11, с. 284]. Исходя из этого, Пикетти предполагает, что капитализму нужна альтернатива, которая бы ограничивала рост неравенства. Мы считаем, что его установка, в целом, стала синонимом умеренно левого, эволюционного взгляда на возможности и необходимость трансформации капитализма. Насколько нам известно, до настоящего времени никому так и не удалось предложить внятных и принятых академическим сообществом контраргументов к основному тезису французского исследователя.

На другом берегу Ла-Манша ещё один блестящий экономист Пол Коллиер в своей взвешенной и сознательно стремящейся уйти от любых возможных упреков в радикализме книге «Будущее капитализма» [12] пишет о том, что капитализм необходимо реформировать посредством внесения изменений в налогообложение [12, с. 339]. Упрекая финансиализацию капитализма и, в числе прочего, стимулы к рентоориентированному поведению, которые в изобилии предоставляют современное общество, британский учёный настаивает на том, что актуальное состояние капитализма несправедливо. Коллиер считает, что «... общество будет и далее раскалываться на класс профессионалов-трудоголиков, у которых много денег и совсем нет времени, и класс недостаточно занятых и малоквалифицированных людей, у которых куча времени, но мало денег» [12, с. 323]. Зонирование капитализма внутри государств посредством развития определённых зон за счёт других приводит к запустению и депрессивным социальным состояниям обширных территорий. Многие люди оказываются вынужденными переезжать в надежде на лучшее будущее. Казалось бы, это часть «созидательного разрушения», присущего капитализму, но достаточно ли этой констатации для того, чтобы смириться с очевидной несправедливостью? Формально аргументация Коллиера

отличается от историко-экономических наблюдений Пикетти, но суть остаётся одной: современный капитализм увеличивает, а не сокращает неравенство. На последнее напрасно надеялись многие апологеты капитализма в прошлом.

Рассмотрим ещё одну позицию итало-американского экономиста Марианы Маццукато. В фокусе её внимания находится понятие ценности, но в данном контексте нас интересует не то, что именно она исследует, но то, как она мыслит о кризисе ценности в современном капитализме. Основная идея Маццукато состоит в том, что современные экономисты, политики и управляющие излишне критически воспринимают государственное вмешательство в экономику. Согласно распространённому мнению — для Маццукато это даже не мнение, но заблуждение — государства ничего не производят, а там, куда они вмешиваются, на место капиталистической динамики и эффективности приходят коррупция и стагнация. В свою очередь, современный капитализм для неё — это неверно понятая логика производства ценности. Экономист отмечает, что прибыли корпораций растут, но всеобщего процветания это не приносит [13, с. 262]. Маццукато солидарна с Пикетти в том, что неравенство лишь увеличивается со временем, в то время как какого-то более справедливого будущего на горизонте не просматривается. В качестве самостоятельной системы, неподотчётной никакому регулированию капитализм оказывается внутренне противоречивым. Пресловутый принцип *laissez-faire* понимается слишком примитивно. Маццукато убедительно показывает, что Адам Смит имел в виду в первую очередь ограничение рентоориентированного поведения акторов на рынке. Говоря проще, Маццукато мыслит современную экономическую систему, как и упомянутые выше авторы, в качестве порождающей неравенство возможностей и увеличивающей расслоение в обществе.

Изложенные выше критические взгляды на актуальное состояние капитализма сходятся в одном. Они видят структурное противоречие в самом капитализме, и это противоречие заключается в растущем неравенстве, а значит, и обладании собственностью. Богатство имеет тенденцию к концентрации в руках немногих, в то время как рост доходов остальных оставляет желать лучшего [12, с. 188]. Скептики с лёгкостью могли бы отмахнуться от этой проблемы, например, утверждая, что огромное богатство немногих делает и остальных, пусть и в значительно меньшей степени, богаче. Предположим, что до некоторой степени этот старый аргумент, восходящей по меньшей мере к идеям Бернарда Мандевиля, столь же правдив, сколь и распространён. Но это не значит, что социально-философский анализ должен отказываться от попыток валюативного осмысления ситуации [4, с. 157–159]. Если верхний 1 % богаче оставшихся 99 % в 100 раз, это можно считать проблемой экономики. Но если состояния самых богатых людей на Земле превышают накопления среднего класса и малоимущих в десятки и сотни тысяч раз, это становится проблемой общества и справедливости.

До настоящего момента было мало сказано о том, как теоретики капитализма понимают собственность. Мы полагаем, что критическое обращение к собственности должно начинаться с указания на неравенство и тенденцию к увеличению разрыва доходов и богатств наиболее обеспечен-

ных слоёв общества и всех остальных. Попробуем объяснить, что всё это значит. Обладание материальными благами, об *априорном* праве на которое вполне допустимо говорить [1, с. 21–23], предполагало, что некоторый минимум вещей может и должен находиться в собственности у человека. Речь идёт не только о деньгах, но, в первую очередь, о вещах. Это создавало стимулы для развития, позволяло мечтать о накоплении. Денежная абстракция усложнила и обогатила этот процесс, но не изменила его суть. В качестве универсального средства обмена деньги, в конце концов, всегда могли быть относительно свободно конвертированы в блага. В дальнейшем мы увидим, что цифровой капитализм может претендовать на изменение этой прежде безупречно работавшей модели.

3. Гиг, шеринг, сети. Цифровой капитализм стал наиболее обсуждаемой темой в современной социальной философии и теории [14; 15, с. 41–42], сменив доминировавшие ранее сюжеты глобализации и постмодернизма. Для теории этот поворот означает возвращение к истокам. Капитализм был главным предметом для анализа социальной философии и критической социальной теории со времён Карла Маркса, которому дисциплина обязана своим формированием. На рубеже 70-х годов XX века и вплоть до начала XXI века способы мышления об обществе последовательно фрагментировались, а фокус внимания смещался с капиталистических закономерностей на культурные, социальные и политические множественности и социальности. По всей видимости, некоторый предел продуктивной фрагментации был достигнут, и многие теоретики начали возвращаться к исследованию общества и культуры через призму изменившегося со времён окончания Второй мировой войны капитализма.

Кризис в мышлении об экономике, охвативший социальную и критическую теорию в конце XX века, был вызван неспособностью адекватно представить себе трансформации капитализма. Ряд попыток получил большое влияние, к примеру, «поздний капитализм» Эрнеста Мандела [16, с. 7], но левая направленность его мысли, а также политические неудачи коммунистического проекта во многом дискредитировали методологическую установку, лежавшую в основе его подхода. Шведский социолог Йоран Терборн так определяет настроения и новые приоритеты в социальных науках в последовавшие за окончанием Второй мировой войны десятилетия: «Это было время, когда американская эмпирическая социальная наука, в особенности социология, политическая наука и социальная психология, были восприняты и прижились в Европе, поддержанные щедрыми американскими стипендиями. Быстрее всего вошли в моду более эмпирицистские и консервативные варианты американской социальной науки. Марксизм был оттеснён на поля крайне левой политики» [17, с. 145]. Уже в совершенно ином смысле «поздний капитализм» вернулся в массовое и культурное сознание в XXI веке.

Востребованность возвращения к капитализму в критическом ключе объясняется помимо прочего ещё и тем, что капитализм сильно изменился. Если оптика Мандела позволяла американским учёным Фредрику Джеймисону и Дэвиду Харви развивать свои социальные теории вне необходимости создания собственного теоретического описания принципов функционирования капитализма, то цифровизация положила этому конец. Цифровая экономика

XXI века взбудоражила учёных и придала этому уже «очень» позднему капитализму новую динамику. Утверждения, согласно которым капитализм подошёл к своим пространственным пределам роста, стали, по меньшей мере, выглядеть как поспешные и опрометчивые. Освоив физическое пространство, капитализм создал киберпространство, о пределах которого рассуждать преждевременно. Это не означает, что модели гибкого накопления или культурного капитализма утратили свою актуальность. Скорее, речь идёт о потребности в обновлении большой теории, которая могла бы служить продуктивным источником решения конкретных, постоянно возникающих противоречий в культуре, обществе и образах будущего. «Цифровой капитализм» — это прежде всего зонтичный термин, в который включено множество других «капитализмов»: коммуникативный капитализм Джоди Дин [18–20; см. также: 21; 22], капитализм платформ Ника Срничека [23; см. также: 24–26], надзорный капитализм Шошаны Зубофф [27; см. также: 28], посткапитализм Пола Мейсона [29; см. также: 30, с. 211–215] и многие другие теории [подробнее см.: 15].

На данном этапе развития социальной теории дать точное определение «цифрового капитализма» представляется недостижимой целью. Содержание понятия на настоящий момент до конца не сформировано. Борьба теоретиков за признание их идей в качестве парадигмообразующих по историческим меркам только началась. Но кое-что о цифровом капитализме сказать всё-таки можно. В оппозиции к ранее существовавшим теориям современные исследования декларативно дистанцируются от идеологической ангажированности. В фокус внимания попадают прежде всего потоки капитала и экономическая агентность субъектов в цифровом пространстве. Исследование цифрового капитализма показывает, как физическая реальность видоизменяется посредством механизмов, существование которых стало возможным только благодаря развитию цифровых средств и сетей. На метааналитическом уровне исследования цифрового капитализма напоминают *case studies*, целью которых является прикладной анализ строго ограниченных ситуаций, процессов или феноменов. Исследования цифрового капитализма — это огромное пространство, где находится место самым разнообразным подходам и исследовательским оптикам. Подобно физическому миру, который исследуют сотни дисциплин, в границах которых рождаются, умирают, сосуществуют бесчисленные теоретические подходы, киберпространство цифрового капитализма позволяет мысли отправиться в свободный полёт.

Для социальной философии всё это представляет большую проблему. В её основе лежит представление о связи между экономическим, политическим, социальным и культурным устройством. Невозможность схватывания цифрового капитализма во всей его полноте осложняет работу социального теоретика. Тем не менее исследование частных сюжетов цифровой (диджитальной) экономики вносит вклад в более адекватное представление о цифровом капитализме в целом. С очень высокой долей уверенности можно сказать, что характеристиками новой цифровой экономики стали развитие шеринговых практик, увеличение прекарной занятости и свершившаяся сетевизация коммуникации. Американский экономист Майкл Мангер говорит о том, что ситуация начала меняться в 90-е годы XX века: «В последние двадцать лет, приблизительно с мо-

мента начала экспансии eBay в 1997 г. <...> предприниматели получили возможность специализироваться не на продаже большего количества товаров, а на сокращении транзакционных издержек доступа к уже существующим материальным благам» [5, с. 10].

Мангер трактует данную трансформацию фундаментально, поскольку она необратимым образом меняет привычный жизненный мир человека. Сети и сокращение транзакционных издержек превращают в товар вещи, которые ранее не могли быть даже представлены в таком качестве [5, с. 11–12]. Экономика совместного пользования не должна вводить нас в заблуждение своим альтруистическим звучанием названия. На деле речь идёт о процессе товаризации того, что ранее таковым не являлось. Мангер полагает, что это позволит всем нам стать богаче и увереннее, а также получить доступ ко многим вещам и услугам, которые ранее были нам не по карману. Сам экономист приводит в пример ситуацию, когда какие-то предметы длительного пользования, которыми мы пользуемся лишь несколько раз за жизнь (к примеру, профессиональным перфоратором), будут помогать другим людям, принося нам самим прибыль или сокращая наши издержки, а не просто занимая место в наших домах. В этом принцип шеринговой экономики — приложения и удобный доступ к сетям позволяют продавать то, что мы не используем в данный конкретный момент.

Гиг-экономика — это порождение той же логики сетей [12, с. 153], когда нечто «неиспользуемое» в произвольный момент времени может быть превращено в товар посредством кооперации через сеть. Для нашего дальнейшего осмысления феномена собственности в цифровом капитализме важны следующие два аспекта. Во-первых, подобно шеринговой экономике, гиг-экономика позволяет превращать в товар свободное время¹. Во-вторых, прекарнизация — это развивающийся процесс: «Различные формы прекарнизации затрагивают меньшую часть работников, но численность этого меньшинства непрерывно увеличивается» [31, с. 81].

Отмеченные трансформации становятся возможными благодаря сетям, цифровизации повседневности, в которой каждый человек оказывается органично встроенным в систему взаимного обмена информацией [8, с. 251]. Если эти констатации кому-то покажутся излишне мрачными, то напомним, что этот процесс добровольный, доставляет удовольствие и доступен каждому по цене смартфона, который: «... стал последним предметом, на который мы смотрим каждую ночь перед тем, как заснуть, и первым, за которым мы тянемся спросонья. Мы используем его, чтобы знакомиться с людьми, общаться, развлекаться и находить дорогу. С его помощью мы покупаем и продаём вещи. Мы полагаемся на то, что он зафиксирует места, в которых мы бываем, вещи, которые мы делаем, и людей, с которыми общаемся; мы рассчитываем на то, что он поможет нам убить время, заполнить установки и паузы, которые некогда занимали такую большую часть нашей жизни» [32, с. 21].

Но какое всё это имеет отношение к собственности? Мы считаем указанные изменения в цифровом капитализме важными вехами в развитии современной экономики. Как правило, фокус внимания теоретиков сосредотачивается на том, справедливо ли такое устройство или нет. Мы же призываем посмотреть на ту часть изменяемой социальности,

которую можно обозначить как «собственность». Шеринговая экономика, гиг-занятость и подклю- чённость к сети, получая все более значительную распространённость, трансформируют восприятие собственности человеком. Одним из свойств част- ной собственности является возможность быть включённой во вторичное экономическое взаимо- действие, подлежать потенциально бесконечному обмену. Хотя нам и очевидно, что далеко не каж- дую вещь можно было легко продать, а значит, рам- ка её восприятия и отношение к ней, исторически отличались от тех вещей, которые подлежат прода- же. И вполне вероятно, что для структуры субъекта эта дематериализация привычных связей с вещами будет иметь драматические последствия.

4. Цифровой капитализм, овнешнение и соб- ственность. Промежуточные итоги нашего обра- щения к современному капитализму могут быть обозначены как артикуляция наиболее заметных трансформационных процессов. Мы остановились на тех из них, реальность которых вызывает наи- меньшее количество споров среди современных исследователей. Это дематериализация благ, това- ров, отношений. Дематериализация, как плод тех- нологического развития, не является нейтральным средством ускорения накопления капитала. Её распространение и вхождение в повседневность оказывает значимое влияние на культуру. Виртуа- лизация экономики должна быть понята не только в том аспекте, что многие операции, предметы по- требления и желания могут быть, соответственно, осуществлены, приобретены или проданы, либо удовлетворены в киберпространстве. На самом деле это более глобальный процесс (ре)формирования оптики восприятия мира у человека эпохи цифро- вого капитализма.

Культура потребления и участия в хозяйствен- ной деятельности меняется в зависимости от хо- зяйственного уклада. Промышленный капитализм сформировал определённый тип работника, чья жизнь была подчинена необходимости трудиться: «Конечным результатом промышленной революции явилась лейборизация всего западного европейско- го общества — порабощение человека трудовой деятельностью. И если в средневековом мире труд и всё, что с ним связано (техника, экономика, про- изводство), служили лишь средством достижения цели, целью же являлась сама жизнь — или, как это понималось церковью, — спасение души человека, то при капитализме экономическая деятельность, профессиональный успех и материальная выгода приобрели самостоятельное значение, т.е. стали са- мостью» [33, с. 6–7]. Было бы наивным полагать, что цифровой капитализм с его возможностями по непосредственному проникновению в повсед- нежность каждого человека окажет менее заметное влияние на культуру [34, с. 77].

Мы полагаем, что именно феномен собствен- ности станет ключевым для анализа основопола- гающих характеристик цифрового капитализма. Промышленные, фордистские, а позднее и пост- фордистские изменения в культуре безусловно оказывали влияние на собственность. Согласно мысли Шотландского Просвещения, которая зало- жила интеллектуальные основы и способы понима- ния становления капитализма, безусловное право на собственность и эгоистическая жажда на- живы, накопления (все той же *собственности*), были неотъемлемой предпосылкой становления капиталистической современности [2, с. 45–47]:

«... собственность есть ключ к экономическому и социальному развитию» [2, с. 65]. Вопрос о соб- ственности исторически имел решающее значение для капиталистического развития. Через управле- ние собственностью на средства производства пра- вительства стремились ускорить экономический рост [3, с. 100]. Обладание собственностью для не- имущих становилось важной, а подчас и единствен- ной мотивацией для тяжёлого труда. Разнообразие новых появляющихся товаров, а также интенсифи- кация конкурентной гонки на рынке труда создава- ли всё новые стимулы для обладания собствен- ностью. При этом на протяжении двух веков её право было безусловно гарантированным и трепетно ох- ранялось государством даже для беднейших слоев граждан. «Фордизм был не только способом органи- зации производства, но и формой создания новой социально-экономической модели, которая вклю- чала в себя: 1) революцию в *потреблении*; 2) транс- формацию трудового процесса; 3) особый фордист- ский способ регулирования труда (так называемый пятидолларовый рабочий день)» [35, с. 41; *курсив мой.* — Н. А.]. Современное же законодательство в вопросе прав собственности часто пренебрега- ет позицией и интересами частных лиц [6, с. 71; 8, с. 253].

Эпоха постфордизма, доведя отмеченные тен- денции до предела, внесла несколько значимых новшеств в восприятие собственности. В первую очередь, с появлением массовой культуры произо- шла дематериализация потребления. На практике это означало не то, что часть материального потре- бления уступила в конкуренции нематериальным благам (массовой и элитарной — но всегда коммер- ческой — культуре; новым видам услуг; туризму и пр.). Напротив, материальная сторона потребле- ния также переживала взрывной рост. Освобо- ждённое фордистской производительностью труда свободное время стало возможностью и условием виртуализации капитализма. Проще говоря, пост- фордизм с точки зрения потребления — это ра- дикальная его интенсификация. Она достигается за счёт, с одной стороны, увеличения предложения в количественном аспекте, а с другой — за счёт ка- чественных изменений².

Для всех вышеперечисленных стадий и подхо- дов собственность оставалась ключевой категори- ей. Более того, для постфордистской экономики и общества потребления собственность преврати- лась в особый фетиш. Обладание ею отличалось как от владения товарами первой необходимости (само- го разного качества), так и от владения предмета- ми статусного потребления (роскошью). Собствен- ность во второй половине XX века — это тот модус накопления, который возникает после первичного удовлетворения базовых запросов в большинстве развитых стран. Вещи становятся не просто веща- ми, которые (желательно) должны хорошо выпол- нять свою функцию, долго служить, быть надёжны- ми, но и носителями смыслов, вкладываемых в них культурной логикой капитализма [36, с. 539–541; 37, с. 162]. Мы полагаем, что *повсеместное* смешение вещности товаров с культурными смыслами, изменило первые. Массовая культура предполагает свободный выбор и лёгкую смену предпочитаемо- го. Смыслы, сливаясь с вещами, поделились с ними своей эфемерностью.

Одним из первых в оптике социальной теории этот тектонический сдвиг почувствовал американ- ский футуролог Элвин Тоффлер, который увидел

рождение новых практик потребления. Анализируя маркетинговую стратегию компании «Мэттел», производителя кукол «Барби», он обратил внимание на то, что новую куклу в одной из рекламных компаний предлагалось приобрести со скидкой при условии возврата старой: «... отдавая свою старую куклу в обмен на технически усовершенствованную модель Барби, сегодняшние девочки, гражданки завтрашнего супериндустриального мира, усваивают основное правило нового общества: отношения человека с вещами приобретают всё более временный характер» [38, с. 61]. Уже постфордизм, предлагая человеку подобную «выгодную сделку», разрушал прочные связи людей с вещами. Не только обещания нового опыта, незабываемых ощущений, овладение новыми компетенциями, концентрация на конструировании своего образа, но и самый обычный срок службы вещей размывались новыми практиками потребления. Существование предметов собственности подстраивалось под обновлённую логику капитализма.

Цифровые практики потребления можно, строго говоря, возвести к тому же процессу, что проделала компания «Мэттел» с юными американками в 60-е годы XX века. Но диджитализация вносит и другие структурные изменения. Помимо максимизации скорости оборота культурных образов в сети, она создаёт экономические предпосылки к устранению всех прочных связей между владельцем и его вещами. Гиг-экономика превращает собственность (к примеру, велосипед в случае гонимых курьеров, или автомобиль для уберизованных водителей такси) в орудие производства [31, с. 15]. Скорость выхода этих устройств из строя, а также утилитарное к ним отношение меняют их восприятие. На эти вещи больше нельзя положиться, забота о них принимает политэкономический оттенок. Шеринговая экономика не менее сильно воздействует на представления о правах по отношению к вещам. Сложно сказать, что возможность испортить вещь характеризует её, но эта возможность всегда существовала для частной собственности. Зададим такой вопрос: станет ли кто-нибудь арендовать испорченную или просто повреждённую вещь? Шеринговая экономика упраздняет культ обладания, низводит собственность до статуса предмета обмена и, одновременно, задаёт дистанцию между «владельцем» и вещью.

Судя по всему, современная логика цифрового капитализма делает владение всё менее выгодным и осмысленным предприятием. Одним из последствий этого процесса становится нарушение логики овнешнения, которая сопутствовала развитию Модерна. Стремительность изменений и их глобальный характер, а также всевозрастающая скорость приводили к тому, что современному человеку всё сложнее было находить своё место в мире [36, с. 56–63].

Помимо идеологий, собственность была одним из способов центрировать распадающийся и постоянно реструктурируемый капитализмом субъект. Она служила утешением, гарантировала возможность приостановки конкурентного соревнования со всем миром. Современный капитализм и цифровые практики оставляют человека один на один с потоком образов и изменений, лишая его «терапевтического» права собственности на вещи. Оно просто устарело. Не будем забывать и о том, что концентрация капитала и средств производства, а также земель и товаров длительного пользования

в руках крупных предприятий лишает человека опоры и в более широком социальном смысле.

5. Заключение. Собственность в нашем рассмотрении — это капиталистический феномен, важность которого трудно переоценить. В зависимости от стадии развития капитализма собственность выступает его предпосылкой, результатом и желанием. Говоря проще, без собственности не было бы капитализма и, вполне возможно, упорядоченного сложного динамического общества [подробнее см.: 1]. Социальная теория и социальная философия всегда были озабочены вопросами собственности. Уже в Античности в рамках проектов создания идеальных политических режимов этот вопрос был одним из центральных. И своё значение он сохранял на протяжении истории. В Модерне представления о должном статусе собственности были как никогда разнообразны: от коммунистических утопий до гиперкапиталистического общества потребления [подробнее см.: 3]. Вещи, на которые мы обладаем правами собственности, тесно вплетены в повседневность и мышление человека о самом себе. Овнешнение себя через владение вещами является одним из способов противостоять потоку стремительных изменений.

Цифровой капитализм, наиболее явными актуальными проявлениями которого являются развитие практик шеринговой экономики, прекарной или гиг занятости, а также сетевизация вкупе с сокращением транзакционных издержек на все мыслимые взаимодействия между экономическими агентами, открывает новый этап в развитии собственности. Вещи дематериализуются с удвоенной скоростью. Благодаря шерингу и возможности легко обмениваться информацией, в их логическую форму входит возможность стать товаром, превратить владельца в продавца. Эта новая, в первую очередь техническая, возможность имеет колоссальные социальные и культурные последствия. Традиционный мир вещей с его феноменами привязанности к материальному отходит на второй план, виртуализируя отношения с собственностью. С точки зрения социальной философии, это новая ситуация психологической децентрации и фрагментации субъекта, отмеченной как отличительная черта состояния постмодерна [например, см.: 36, 37].

Помимо фиксации метаморфоз классического когерентного субъекта, владеющего собственностью, одной из валюативных философских гипотез должно стать предположение о невозможности традиционно понимаемой свободы в цифровом мире. В основе этого аргумента лежит мысль, согласно которой безоговорочное право на собственность, в охране которого было заинтересовано в первую очередь само государство, породило автономии субъекта, который мог вернуться в свой дом, к своим вещам, которые составляли овеществлённое и овнешнённое время его труда, его личную историю. Собственность была для него связью с миром и личной историей. Вещи никуда не исчезают, напротив, их становится всё больше. Многие из них получают нематериальное воплощение, но их сущностной чертой становится возможность войти в обмен, стать частью товарно-денежных отношений. Всё это происходит при посредничестве цифровых технологий.

Современная собственность шеринговой экономики — это абстрактный мир, интенсифицирующий и максимально облегчающий потребление, но отнимающий у человека знаковую культуру не-

скольких тысячелетий владения. И хотя сказанное не значит, что цифровой капитализм не породит новых способов конструирования стабильных идентичностей, вполне возможно, что последние вообще окажутся анахронизмом прошлого, ограничивающим бременем для нового человека. В современном мире собственность всё так же важна, однако настоящему ценные вещи, которые обеспечивают автономию и свободу, по мере роста неравенства оказываются в руках немногих. Цифровой культуре и философии цифрового капитализма еще только предстоит прояснить, какое значение собственность будет иметь в переопределении свободы в нашей новой цифровой эпохе.

Примечания

¹ Внимательный критик мог бы заметить, что то же самое происходит и при стандартной занятости, однако в нашем случае важно то, что при помощи сети превращению может подвергнуться произвольный момент жизни, который в структуре более традиционной (фордистской) занятости предназначался для чего-либо другого.

² Англо-американский географ Дэвид Харви, анализирувавший закономерности изменения накопления на промежутке с XIX по XX век, назвал это «гибким накоплением» [36, с. 316–318].

Библиографический список

1. Пирсон К. Просто собственность: её история на латинском Западе. Т. 1. Богатство, добродетель и право. Москва: Дело, 2020. 520 с. ISBN 978-5-85006-157-9.
2. Пирсон К. Просто собственность: её история на латинском Западе. Т. 2. Просвещение, революция и история. Москва: Дело, 2020. 432 с. ISBN 978-5-85006-203-3.
3. Pierson C. Just Property. Vol. 3: Property in the Age of Ideologies. Oxford: Oxford University Press, 2020. 352 p. ISBN 978-0-19-878710-5.
4. Павлов А. В. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 149–172. DOI: 10.17323/1728-192X—2018-3-149-172.
5. Мангер М. Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совместного использования. Москва: Высшая школа экономики, 2021. 256 с. ISBN 978-5-7598-2191-5.
6. Перзановски А., Шульц Дж. Конец владения. Личная собственность в цифровой экономике. Москва: Дело, 2019. 352 с. ISBN 978-5-85006-238-5.
7. Easterbrook F. Intellectual Property Is Still Property // Information Ethics: Privacy, Property, and Power / Ed. A. Moore. Seattle: University of Washington Press, 2005. 480 p. P. 113–122. ISBN 978-0295984896.
8. Сафронов Э. (He) Наши цифровые товары // Социология власти. 2021. Т. 33, № 1. С. 251–259. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-251-259.
9. Piketty T. Capital au XXI siècle. Paris: Seuil, 2013. 970 p. ISBN 978-2021082289.
10. Piketty T. Capital et idéologie. Paris: Seuil, 2019. 1232 p. ISBN 978-2-02-133804-1.
11. Володин А. Неравенство Пикетти, или Почему $r > g$? // Логос. 2015. Т. 25, № 6. С. 275–288.
12. Колиер П. Будущее капитализма. Москва: Институт Гайдара, 2021. 376 с. ISBN 978-5-93255-601-6.
13. Маццукато М. Ценность всех вещей: создание и изъятие в мировой экономике. Москва: Высшая школа экономики, 2021. 408 с. ISBN 978-5-7598-2359-9.
14. Fischer E. Media and New Capitalism in the Digital Age. The Spirit of Networks. London: Palgrave Macmillan, 2010. 271 p. ISBN 978-1137310811.

15. Павлов А. В. Что нового в новом капитализме? // Социология власти. 2021. Т. 33, № 1. С. 39–63. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-39-63.
16. Павлов А. В. Проблема легитимации капитализма в XXI веке // Социология власти. 2021. Т. 33, № 1. С. 6–11. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-6-11.
17. Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? Москва: Высшая школа экономики, 2021. 256 с. ISBN 978-5-7598-2319-3.
18. Dean J. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics // Cultural Politics. 2005. Vol. 1, № 1. P. 51–74. DOI: 10.2752/174321905778054845.
19. Dean J. Democracy and Other Neoliberal Fantasies. Communicative Capitalism and Left Politics. Durham: Duke University Press, 2009. 175 p.
20. Dean J. Blog Theory. Cambridge: Polity Press, 2010. 143 p.
21. Гавра Д. П., Декалов В. В. Коммуникативный капитализм: методологические предпосылки и парадигмальное позиционирование // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 1. С. 27–43. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.1.2.
22. Шпот В. В. Коммуникативный капитализм Джоди Дин: эволюция одной социальной теории // Социология власти. 2021. Т. 33, № 1. С. 222–239. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-222-239.
23. Срничек Н. Капитализм платформ. Москва: Высшая школа экономики, 2019. 128 с. ISBN 978-5-7598-1786-4.
24. Морозов А. В. Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 2. С. 226–242. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00020.
25. Сафронов Э. Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // Логос. 2019. Т. 29, № 3. С. 279–289.
26. Чубаров И., Сеченова Е. Левая критика в эпоху платформенного капитализма // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 275–304. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-275-304.
27. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Москва: Институт Гайдара, 2022. 784 с. ISBN 978-5-93255-613-9.
28. Сафронов Э. Е. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шосаны Зубофф // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 165–172. DOI: 10.31857/S013216250010848-5.
29. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. Москва: Ad Margimen Press, 2016. 416 с. ISBN 978-5-91103-286-9.
30. Матвеев И. А. Версии посткапитализма: борьба за будущее. Рецензия на книги: Streecl W. (2016) How Will Capitalism End?: Essays on a Failing System, London and New York: Verso; Мейсон П. (2016) Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем; Smicelc N., Williams A. (2015) Inventing the future: Postcapitalism and a World Without work, London and New York: Verso // Социология власти. 2018. Т. 30, № 4. С. 207–218. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-4-207-218.
31. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? Москва: Высшая школа экономики, 2020. 144 с. ISBN 978-5-7598-2170-0.
32. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Москва: Дело, 2018. 424 с. ISBN 978-5-7749-1361-9.
33. Джохадже И. Homo faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6 (45). С. 3–17.
34. Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. Москва: Дело, 2019. 304 с. ISBN 978-5-7749-1496-8.
35. Канарш Г. Ю. Феномен позднего капитализма // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1. С. 38–53. DOI: 10.17805/zpu.2020.1.3.
36. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений. Москва: Высшая школа экономики, 2021. 576 с. ISBN 978-5-7598-2369-8.
37. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Москва: Дело, 2019. 808 с. ISBN 978-5-93255-542-2.

38. Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: АСТ, 2004. 557 с. ISBN 5-17-010706-4.

АФАНАСОВ Николай Борисович, младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН, г. Москва.

SPIN-код: 4411-2080

AuthorID (РИНЦ): 857720

Адрес для переписки: n.afanasov@gmail.com

Для цитирования

Афанасов Н. Б. Переопределяя свободу. Цифровой капитализм и частная собственность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 74–83. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-74-83.

Статья поступила в редакцию 28.12.2021 г.

© Н. Б. Афанасов

REDEFINING FREEDOM. DIGITAL CAPITALISM AND PRIVATE PROPERTY

The article enquires into the transformations of private property in digital capitalism. The author proposes his interpretation of most obvious and simultaneously less arguable transformations that take place in digital economy. Economy of cooperative use (sharing), precarious employment (gig economy), networkisation, as well as rapid growth of inequality determine digital capitalism in opposition to previous stages of capitalist production and consumption. Applying to historical works that concern private property the author shows that in the basis of capitalism lies undisputable, basically aprioristic right of private property ownership. It is supported by the state. A desire to own was and remains an inner motivation of entrepreneurship. It also characterized the actions of capitalist society's agents. In cultural sense property was a central phenomenon that gave a definition to modernity. The author demonstrates that in this sense property was always more than just a simple presupposition of goods accumulation. Property, relation to it and its cultural status were changing in the process of capitalist development: from early industrial stage to Fordism and then Post-Fordism. The author puts forward a hypothesis that digital capitalism also redefines property. Property dematerialization and the loss of its value become the distinguishing attributes of this process. Eventually the practices of sharing economy, easiness of being connected to networks and the change of ownership on the means of production (networks) lead to the decline of property. In social-philosophical sense it could mean a further decentralization of person's inner world and loss of inner and external freedom.

Keywords: property, digital capitalism, gig economy, sharing economy, inequality, freedom.

References

1. Pierson C. Prosto sobstvennost': eyo istoriya na latinskom Zapade. T. 1. Bogatstvo, dobrodetel' i pravo [Just Property: A History in the Latin West. Vol. 1. Wealth, Virtue, and the Law]. Moscow, 2020. 520 p. ISBN 978-5-85006-157-9. (In Russ.).
2. Pierson C. Prosto sobstvennost': eyo istoriya na latinskom Zapade. T. 2. Prosveshchenie, revolutsiya i istoriya [Just Property: A History in the Latin West. Vol. 2. Enlightenment, Revolution, and History]. Moscow, 2020. 432 p. ISBN 978-5-85006-203-3. (In Russ.).
3. Pierson C. Just Property. Vol. 3: Property in the Age of Ideologies. Oxford: Oxford University Press, 2020. 352 p. ISBN 978-0-19-878710-5. (In Engl.).
4. Pavlov A. V. Parallaksy lisy k opredeleniyu predmeta i granits sotsial'noy filosofii [The Parallaxes of the Fox: Towards Definition of the Subject and Status of Social Philosophy] // Sotsiologicheskoye obozreniye. *Russian Sociological Review*. 2018. Vol. 17, no. 3. P. 149–172. DOI: 10.17323/1728-192X—2018-3-149-172. (In Russ.).
5. Munger M. Zavtra 3.0. Transaktsionnye izderzhki i ekonomika sovmejnogo pol'zovaniya [Tomorrow 3.0. Transaction Costs and the Sharing Economy]. Moscow, 2021. 256 p. ISBN 978-5-7598-2191-5. (In Russ.).
6. Perzanowski A., Schultz J. Konets vladeniya: lichnaya sobstvennost' v tsifrovoi ekonomike [The End of Ownership: Personal Property in the Digital Economy]. Moscow, 2019. 352 p. ISBN 978-5-8500-238-5. (In Russ.).
7. Easterbrook F. Intellectual Property Is Still Property // Information Ethics: Privacy, Property, and Power / Ed. A. Moore. Seattle: University of Washington Press, 2005. 480 p. P. 113–122. ISBN 978-0295984896. (In Engl.).
8. Safronov E. (Ne) Nashi tsifrovye tovary [(Not) Our Digital Products] // Sotsiologiya vlasti. *Sociology of Power*. 2021. Vol. 33, no. 1. P. 251–259. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-251-259. (In Russ.).
9. Piketty T. Capital au XXI siècle. Paris: Seuil, 2013. 970 p. ISBN 978-2021082289. (In French).
10. Piketty T. Capital et idéologie. Paris: Seuil, 2019. 1232 p. ISBN 978-2-02-133804-1. (In French).
11. Volodin A. Neravenstvo Piketti, ili Pochemu $r > g$? [Piketty's Inequality: Why $r > g$?] // Logos. *Logos*. 2015. Vol. 25, no. 6. P. 275–288. (In Russ.).
12. Collier P. Budushchee kapitalizma [The Future of Capitalism]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. 276 p. ISBN 978-5-93255-601-6. (In Russ.).
13. Mazzucato M. Tsennost' vseh veshchey: sozдание i izyatie v mirovoy ekonomike [The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy]. Moscow, 2021. 408 p. ISBN 978-5-7598-2359-9. (In Russ.).
14. Fischer E. Media and New Capitalism in the Digital Age. The Spirit of Networks. London: Palgrave Macmillan, 2010. 271 p. ISBN 978-1137310811. (In Engl.).
15. Pavlov A. V. Chto novogo v novom kapitalizme? [What is New in New Capitalism?] // Sotsiologicheskoye obozreniye. *Sociology of Power*. 2021. Vol. 33, no. 1. P. 39–63. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-39-63. (In Russ.).

16. Pavlov A. V. Problema legitimatsii kapitalizma v XXI veke [The Problem of Legitimizing Capitalism in the 21st Century] // *Sotsiologicheskoye obozreniye. Sociology of Power*. 2021. Vol. 33, no. 1. P. 6–11. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-6-11. (In Russ.).
17. Therborn G. Ot marksizma k postmarksizmu? [From Marxism to Post-Marxism?]. Moscow, 2021. 256 p. ISBN 978-5-7598-2319-3. (In Russ.).
18. Dean J. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics // *Cultural Politics*. 2005. Vol. 1, no. 1. P. 51–74. DOI: 10.2752/174321905778054845. (In Engl.).
19. Dean J. Democracy and Other Neoliberal Fantasies. Communicative Capitalism and Left Politics. Durham: Duke University Press, 2009. 175 p. (In Engl.).
20. Dean J. *Blog Theory*. Cambridge: Polity Press, 2010. 143 p. (In Engl.).
21. Gavra D. P., Dekalov V. V. Kommunikativny kapitalizm: metodologicheskiye predposylki i paradigmal'noye pozitsionirovaniye [The Concept of Communicative Capitalism: Methodological Premises and Paradigmatic Positioning] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2018. Vol. 21, no. 1. P. 27–43. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.1.2. (In Russ.).
22. Shpot V. V. Kommunikativny kapitalizm Dzhodi Din: evolyutsiya odnoy sotsial'noy teorii [Jody Dean's Communicative Capitalism: The Evolution of a Social Theory] // *Sotsiologicheskoye obozreniye. Sociology of Power*. 2021. Vol. 33, no. 1. P. 222–239. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-222-239. (In Russ.).
23. Srnicek N. Kapitalizm platform [Platform Capitalism]. Moscow, 2019. 128 p. ISBN 978-5-7598-1786-4. (In Russ.).
24. Morozov A. V. Navigatsiya po akseleratsionizmu: ot nekapitalizma k postkapitalizmu cherez platformy [Navigating Accelerationism: From Noncapitalism to Postcapitalism via Platforms] // *Galaktika media: zhurnal media issledovaniy. Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. No. 2. P. 226–242. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10020. (In Russ.).
25. Safronov E. Kak akseleratsionizm prevratilsya v platformennyy kapitalizm [How Accelerationism Turned into Platform Capitalism] // *Logos. Logos*. 2019. Vol. 29, no. 3. P. 279–289. (In Russ.).
26. Chubarov I., Sechenova E. Levaya Kritika v epokhu platformennogo kapitalizma [Leftist Critique in the Era of Platform Capitalism] // *Logos. Logos*. 2019. Vol. 29, no. 6. P. 275–304. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-275-304. (In Russ.).
27. Zuboff S. Epokha nadzornogo kapitalizma [The Age of Surveillance Capitalism]. Moscow, 2022. 784 p. ISBN 978-5-93255-613-9. (In Russ.).
28. Safronov E. E. Transformatsii kapitalizma v XXI veke: kontseptsiya «nadzornogo kapitalizma» Shoshany Zuboff [Transformation of Capitalism in the 21st Century: «Surveillance Capitalism» by Shoshana Zuboff] // *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021. No. 4. P. 165–172. DOI: 10.31857/S013216250010848-5. (In Russ.).
29. Mason P. Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu [Postcapitalism: A Guide to Our Future]. Moscow, 2016. 416 p. ISBN 978-5-91103-286-9. (In Russ.).
30. Matveev I. A. Versii postkapitalizma: bor'ba za budushcheye: retsenziya na knigi: Streeck W. (2016) How Will Capitalism End?: Essays on a Failing System, London and New York: Verso; Meyson P. (2016) Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushchemu. M.: Ad Marginem; Srnicek N., Williams A. (2015) Inventing the future: Postcapitalism and a World Without work, London and New York: Verso [Versions of Postcapitalism: Fighting for the Future. Books Review of: Streeck W. (2016) How Will Capitalism End?: Essays on a Failing System, London and New York: Verso; Mason P. (2016) Postcapitalism: a Guide to Our Future, Moscow: Ad Marginem; SRNICEK N., Williams A. (2015) Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work, London and New York: Verso] // *Sociology of Power*. 2018. Vol. 30, no. 4. P. 207–218. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-4-207-218. (In Russ.).
31. Crouch C. Pobedit li gig-ekonomika? [Will the Gig Economy Prevail?] Moscow, 2020. 144 p. ISBN 978-5-7598-2170-0. (In Russ.).
32. Greenfield A. Radikal'nye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni [Radical Technologies: The Design of Everyday Life]. Moscow, 2018. 424 p. ISBN 978-5-7749-1361-9. (In Russ.).
33. Dzhokhadze I. Homo faber i budushchee truda [Homo Faber and the Future of Labor]. *Logos. Logos*. 2004. No. 6 (45). P. 3–17. (In Russ.).
34. Wajcman J. Vremeni v obrez: uskorenie zhizni pri tsifrovom kapitalizme [Pressed for Time: The Acceleration of Time in Digital Capitalism]. Moscow, 2019. 304 p. ISBN 978-5-7749-1496-8. (In Russ.).
35. Kanarsh G. Yu. Fenomen pozdnego kapitalizma [The Phenomenon of Late Capitalism] // *Znanie. Ponimanie. Umenie. Knowledge. Understanding. Skill*. 2020. No. 1. P. 38–53. DOI: 10.17805/zpu.2020.1.3. (In Russ.).
36. Harvey D. Sostoyanie postmoderna: issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy [The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change]. Moscow, 2021. 576 p. ISBN 978-5-7598-2369-8. (In Russ.).
37. Jameson F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow, 2019. 808 p. ISBN 978-5-93255-542-2. (In Russ.).
38. Toffler A. Shock budushchego [Future Shock]. Moscow, 2004. 557 p. ISBN 5-17-010706-4. (In Russ.).

AFANASOV Nikolai Borisovich, Junior Researcher, Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. SPIN-code: 4411-2080
AuthorID (RSCI): 857720
Address for correspondence: n.afanasov@gmail.com

For citations

Afanasov N. B. Redefining Freedom. Digital Capitalism and Private Property // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 1. P. 74–83. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-74-83.

Received December 28, 2021.

© N. B. Afanasov